

РАЗДЕЛ I. К 70-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

УДК 94(430) “1940/1941”

Лавренов С.Я.¹, Соколов А.М.²

¹Московский государственный юридический университет

²Военный университет Министерства обороны РФ (г. Москва)

ПЛАНИРОВАНИЕ ГЕРМАНИЕЙ ВОЙНЫ ПРОТИВ СОВЕТСКОГО СОЮЗА: МИФЫ И РЕАЛИИ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности военно-стратегического планирования Германией войны против Советского Союза. Основные мифы (в рамках ревизионистского подхода), искажающие этот процесс, сводятся к попыткам утверждения о превентивном (оборонительном) характере этой войны со стороны Германии, об отсутствии цельного плана войны у Берлина, что сопровождалось импровизационным (ситуативным) характером принимаемых Гитлером решений, игнорировавших советы высших военных, и явилось основной причиной несостоятельности плана «Барбаросса», последующего краха концепции «блицкрига» и разгрома Германии.

Авторы, на основе имеющихся в наличии документов приходят к выводу, что подобные утверждения не соответствуют действительности, относясь к разряду исторической мифологии. Анализ отечественной и немецкой историографии по данной проблеме позволяет утверждать о наличии у Берлина перед Второй мировой войной «многовариантной» стратегической концепции, направленной на расширение «жизненного» пространства, главной целью которой являлось завоевание Советского Союза и овладение его ресурсами. Это не исключало в отдельных случаях импровизационного характера действий Берлина, обусловленного стремлением с максимальной выгодой использовать сложившуюся международно-политическую обстановку.

Ключевые слова: военно-стратегическое планирование, нацистская Германия, расширение «жизненного пространства» (Lebensraum), концепция «молниеносной» войны, план «Барбаросса».

© Лавренов С.Я., Соколов А.М., 2015.

¹Статья подготовлена в рамках гранта РГНФ для разработки темы «Политико-стратегическое содержание планов Третьего рейха в отношении СССР» (номер заявки 14-31-12089).

S. Lavrenov¹, A. Sokolov²

¹Moscow State Juridical University

²Military University of the RF Ministry of Defence, Moscow

PLANNING WAR AGAINST THE SOVIET UNION BY GERMANY: MYTHS AND REALITIES

Abstract. The article envisages the specifics of Germany's military strategic planning war against the Soviet Union. Basic myths in this field (in the framework of the revisionist approach) distort this process and concentrate on: the attempts of postulating the thesis of a preventive (defensive) character of this war on behalf of Germany; absence of any integrated war plan in Berlin, that was accompanied by spontaneous (situational) character of taking decisions by Hitler who ignored advice and recommendations of the top military echelon that finally became the main reason of failing of the "Barbarossa" plan, successive collapse of the "blitzkrieg" concept and the defeat of Germany. Having analyzed the detected documents and sources the authors come to the conclusion that such statements do not correspond with the reality and belong to historical mythology.

The analysis of domestic and German historiography on this problem allows to state that before World War II Berlin had a 'multiversion' strategic concept aimed at broadening the "living space" the main purpose of which was conquering the Soviet Union and taking its resources. That did not exclude the situational character of Berlin's behavior in some cases, which was determined by the aspiration to use the real international-political situation with most advantage.

Key words: military strategic planning, Nazi Germany, broadening of the "living space" (Lebensraum), concept of blitzkrieg, the "Barbarossa" plan.

Анализ современной зарубежной и отечественной историографии проблемы показывает, что при изучении особенностей планирования Германией войны против Советского Союза, несмотря на прошедшие семь десятилетий после окончания войны, продолжают воспроизводиться версии, которые, казалось бы, уже были преодолены в ходе предшествующих научных дискуссий. Наиболее устойчивым среди них является тезис о «превентивном», оборонительном характере планирования военных действий со стороны Германии против Советского Союза.

Эта проблема, став одной из ключевых уже в ходе известного «спора историков» в Германии (1986-1987 гг.), по-прежнему является предме-

том активного дискурса не только в ФРГ, но и в России. Одной из причин этого является то, что она носит ярко выраженный политизированный, а не только академический характер. Когда в момент разгара «спора историков» в консервативных средствах массовой информации ФРГ появились материалы, в которых нападение вермахта на СССР именовалось "превентивной войной" [28, S. 38-43], одновременно прозвучали требования переосмыслить сущность операции «Барбаросса», сам характер войны против Советского Союза. Хрестоматийным в этом отношении стал подход, изложенный немецким историком Э. Топичем в нашумевшей в свое время книге «Война Сталина», в которой утверждалось, что Советский Союз в 1939–1941 гг.

преследовал “империалистические цели” по отношению к своим западным соседям, предъявил Германии “ультимативные требования” в ноябре 1940 г. (в ходе переговоров В.М. Молотова и А. Гитлера в Берлине. – Прим. авт.), и последней, в силу сложившихся обстоятельств, ничего не оставалось как предпринять “упреждающий удар”, чтобы “своевременно себя спасти” [36, S. 140-145]. Версия Топича о том, что советское руководство «само спровоцировало» Гитлера на нападение, занимает устойчивое место в современной немецкой историографии.

Тесно сопряженным с рассмотренным выше тезисом о «превентивности» войны со стороны Германии является утверждение об отсутствии у Берлина цельного плана ведения войны, то есть о преимущественно ситуативном, «импровизационном», «многовариантном» характере его действий в ответ на возникающие вызовы и угрозы, а также конфигурацию международно-политической обстановки, благоприятную для эффективного использования военной силы для решения поставленных целей [33]. Этот вопрос носит принципиальный характер, поскольку позволяет возложить единоличную ответственность за крах «блицкрига» против Советского Союза на Гитлера, обелив политическую и военную элиту, причастную к планированию и ведению войны. Авторы придерживаются мнения, что, несмотря на действительно ситуативный характер принятия ряда решений, в конечном счете, они исходили из долгосрочных стратегических установок Гитлера, в целом разделявших высшим военным руководством нацистской Германии.

Проблема планирования Германией войны, таким образом, по-прежнему, сохраняет свою актуальность как в силу особой, в том числе политико-идеологической, значимости, так и наличия дискуссионных, не до конца проясненных вопросов. Характеризуя сложившуюся ситуацию, один из авторов 10-томника «Германский Рейх и Вторая мировая война», известный немецкий историк Ю. Ферстер по этому поводу высказался следующим образом: «Среди историков, разумеется, существует единое мнение о том, что результаты германо-советской войны все еще явно прослеживаются в современной политике» [19, S. 1136].

В статье предпринята попытка анализа военно-стратегических аспектов планирования Германией военных действий против Советского Союза. Политико-идеологические основания планируемой войны преднамеренно оставляются за скобками исследования, поскольку они достаточно подробно рассмотрены в отечественной и зарубежной историографии [11; 22; 29 и др.].

В исторической науке ФРГ до определенного момента, вплоть до 1980-х гг., не подвергалось сомнению, что проблема мотивации решения о войне против Советского Союза, принятом Гитлером летом 1940 г., может быть решена только в контексте долгосрочных политических целей «Третьего рейха», а именно мирового господства Германии. Итогом исследований Г. Вайнберга, Х. Тревор-Ропера, Э. Йеккеля, А. Куна, А. Хильгрубера о внешнеполитической программе, целях войны и стратегии Гитлера стал вывод о том, что намерение Гитлера напасть на СССР не вытекало исключительно

из военной ситуации 1940 г., но было органическим следствием его «восточной Программы», выработанной до 1933 г. [16, с. 59-67]. Решение о нападении на СССР полностью соответствовало главной цели Гитлера, изложенной в «Майн кампф» (1924) и во «Второй книге» (1928) [25], равно как и в его заявлениях после вступления в должность канцлера в январе 1933 г. В частности, А. Хильгрубер пришел к однозначному выводу о том, что «при нападении Гитлера на СССР не могло быть и речи о «превентивной войне» в обычном смысле этого термина, т.е. о «военных действиях, которые предпринимаются с целью предvarить или упредить готовившуюся агрессию» [24, S. 533].

В 1960-е – 1970-е гг. от случая к случаю в ФРГ предпринимались попытки утверждать, что в развязывании войны против Сталина решающую роль играли не программные установки Гитлера, а сложившаяся военно-стратегическая обстановка и «чреватая агрессией» внешняя политика Советского Союза [16, с. 59-67]. Однако сторонники данной точки зрения занимали в западногерманском научном мире в основном маргинальные позиции, несмотря на то, что их публикации получали значительные тиражи.

Вряд ли случайным совпадением является то, что реанимирование на Западе нацистского мифа о вынужденном характере войны Германии против Советского Союза совпало с началом перестройки в СССР, готовя тем самым идеологическую почву для дискредитации советского строя. Показательной в этом отношении стала заказная публикация советского офицера-перебежчика В.Б. Резуна

(псевдоним – В. Суворов), осевшего в Англии. В книге «Ледокол», опубликованной в 1989-1990 гг. в ФРГ и Англии, В. Суворов попытался представить Советский Союз в качестве агрессора [35], фактически бездоказательно ретранслируя тезисы нацистской пропаганды, озвученные после нападения Германии на СССР. Эта, как и последующие книги Резуна, получили беспрецедентное тиражирование. Наряду с Суворовым в процесс реабилитации нацистского мифа о превентивном характере войны Германии против СССР был вовлечен ряд зарубежных историков и публицистов. Помимо уже упомянутого западногерманского социолога Э. Топича, в этом ряду оказались Й. Хоффман, Э. Нольте, Г.-К. Кальтенбруннер и др.

В частности, Й. Хоффман в своей историко-логической конструкции исходил из того, что весной 1941 г. «Советский Союз обладал мощным военным превосходством», «военные и политические приготовления Красной Армии к нападению на Германию достигли кульминации», а «Гитлер не имел ясного представления о том, что действительно готовилось с советской стороны» и поэтому «своим нападением 22 июня 1941 г. предвосхитил нападение Сталина» [28, S. 29].

Однако даже гипотетическая возможность превентивного удара со стороны Красной армии нацистским руководством не рассматривалась, о чем свидетельствуют немало первоисточников. В частности, 7 мая 1941 г. Геббельс записал в дневнике: «Русские еще ничего, кажется, не подозревают. Свои войска они развертывают таким образом, что их положение отвечает нашим интересам, лучшего мы не можем

и желать». В донесении генеральному штабу от 21 мая 1941 г. военный атташе при посольстве Германии в Москве генерал Э. Кестринг подчеркивал: «...Нет никаких признаков наступательных намерений Советского Союза» [31, S. 310]. В свою очередь, начальник штаба Верховного командования сухопутных войск вермахта генерал Ф. Гальдер 22 мая 1941 г. в своем дневнике отметил оборонительный характер всей конфигурации группировки Красной Армии в западных приграничных округах, и отсутствие признаков подготовки к наступлению [13].

Схожая оценка была выражена и в секретной телеграмме германского посла в СССР графа Ф. фон Шуленбурга, направленной из Москвы в Берлин 6 июня 1941 г.: «... Россия будет воевать только в том случае, если на нее нападут. Все военные мероприятия носят чисто оборонительный характер» [32, р. 636-637]. Добавим – в отличие от планов Германии, которым был присущ откровенно наступательный характер.

Впервые в концептуальном изложении цели германской экспансии были оглашены Гитлером на совещании 5 ноября 1937 г., на котором присутствовало высшее военное руководство страны [14, с. 52-62]. Необходимость перехода к политике завоеваний, заявил тогда Гитлер, обусловлена тем, что режим экономической автаркии невозможен для Германии, поскольку не позволяет обеспечить ее достаточным количеством сырья и продовольствия. В «эпоху хозяйственных империй», утверждал Гитлер, «захват большого жизненного пространства» является единственным спасением. Поэтому «добиться решения герман-

ского вопроса можно только путем насилия, что всегда связано с риском [1, с. 70]. Исходя из данного императива, Гитлером на совещании была дана установка на подготовку Германии к войне [21, р. 359]. Для расширения экономического потенциала Германии Гитлер планировал провести в Европе ряд «малых» войн. В качестве первых объектов экспансии были названы Австрия и Чехословакия. Сроки полномасштабной войны с Англией и Францией были отнесены на будущее, но не позднее 1941–1944–45 гг., поскольку, по мнению Гитлера, осталось всего лишь пять или шесть лет до того, как «два антагониста, вдохновленных ненавистью» (Англия и Франция) сократят разрыв с Германией в уровне вооружений [34, р. 106].

Гитлер рассчитывал достичь поставленных целей, используя не только растущий военный потенциал Германии, но и весь арсенал политико-дипломатических средств. Балансируя на противоречиях между ведущими европейскими державами, манипулируя их стремлением канализировать германскую агрессию на восток, он рассчитывал избежать той критической ситуации, в которой оказалась Германия в период Первой мировой войны. Определенное время ему удавалось добиваться этого, что позволило достичь впечатляющих успехов в проведении первоначальной завоевательной политики на Европейском континенте. Однако те же роковые вопросы, которые стояли перед кайзеровской Германией, продолжали довлеть и над ним. Но, в отличие от кайзеровского руководства, заблаговременно разработавшего план войны (на основе оригинального плана «Шлиффена»), Гитлер во многом

руководствовался общей «картиной» войны, не имеющей четкой последовательности главных ударов, что обуславливало ситуативный характер решений, принимаемых на ее различных этапах.

После аншлюса Австрии (1938 г.) и захвата Чехословакии (1939 г.) вопрос о том, где наносить первый удар в надвигающейся «большой» войне – на западе или на востоке, гитлеровское руководство было вынуждено решать примерно так же, как и кайзеровский генеральный штаб. После оценки возможных для Германии последствий гитлеровские генштабисты пришли к выводу, что единственно правильным решением в сложившейся ситуации является первоначальный разгром Франции, а затем Советского Союза. Это решение было принято, несмотря на то, что в программе завоевательной стратегии Германии («личной» войне Гитлера), в качестве главного объекта экспансионистских устремлений Германии был определен Советский Союз [25, S. 650-651]. Уничтожение социалистического государства и овладение его огромным ресурсным потенциалом рассматривалось не только в качестве императивного условия для закрепления господства Германии в Европе, но и с целью создания плацдарма для последующего развертывания борьбы за мировое господство.

Тем не менее, завоевание Советского Союза было отнесено нацистским руководством на более позднюю перспективу, чему были веские причины. Проблема нападения на Советский Союз была тесно взаимоувязана с позицией, которую Франция и Англия могли занять в отношении «восточной политики» Германии. Несмотря на то,

что Париж и Лондон подталкивали Германию к агрессии против Советского Союза, трудно было ожидать, что эта поддержка будет беспредельной, что ведущие западные державы не вынашивают замыслов обескровить и истощить в ожесточенной борьбе не только Советский Союз, но и Германию. Гитлер был уверен, что Париж не смирится с гегемонией Германии в Европе [6, с. 102]. Соответственно, стоило вермахту втянуться в затяжные бои на просторах Советского Союза, как с высокой степенью вероятности следовало ожидать удара с тыла. Особое опасение у Гитлера вызывала безопасность Рурской области, главной промышленной базы Германии, которая могла быть захвачена Францией.

Долгосрочным планам Берлина, в первую очередь, могла помешать антигерманская коалиция Советского Союза, с одной стороны, и Англии с Францией, с другой, если бы у последних возобладал прагматичный подход к оценке военно-стратегической обстановки над довлеющим антисоветизмом. Берлин был готов на любые шаги, чтобы не допустить подобного союза, даже если бы пришлось пойти на временное сближение с Москвой. Смысл такого сближения Гитлер объяснил в одной из бесед с Г. Раушнинггом в 1934 г., который в тот момент являлся президентом сената свободного города Данциг: «Вероятно, мне не избежать союза с Россией. Я придержу его в руке как последний козырь. Возможно, это будет решающая игра моей жизни. Ее нельзя преждевременно начинать... Но она никогда не удержит меня от того, чтобы столь же решительно изменить курс и напасть на Россию после того, как я достигну своих целей на Западе.

Глупо было бы думать, что мы будем всегда идти прямолинейно, куда глядит нос, в нашей борьбе. Мы будем менять фронты, и не только военные...» [6, с. 77].

Соответственно заключение пакта о ненападении между Германией и с Советским Союзом в августе 1939 г. нельзя рассматривать в качестве импровизационного акта в ответ на вялотекущие переговоры между СССР и англо-французской стороной. Стратегически Гитлер был давно готов к этому шагу. С точки зрения Берлина, заключение пакта, помимо возможности избежать угрозы войны на два фронта, позволяло сделать еще один важный шаг для подготовки войны против Советского Союза. Проблема для Берлина заключалась в том, что, в отличие от ситуации накануне Первой мировой войны, ни Германия, ни ее союзники в тот период не имели географического соприкосновения с СССР, что предполагало, в качестве промежуточной задачи, необходимость завоевания Польши. После того, как Польша отказалась вернуть Данциг (немецкое название Гданьска. Прим. авт. – С.Л., А.С.) Германии, предоставить немецким войскам «коридор» в направлении советской границы, а также присоединиться к Антикоминтерновскому пакту, Гитлер окончательно исключил ее из числа возможных союзников. При этом он рассчитывал, что Великобритания и Франция, являвшиеся гарантами независимости Польши, вряд ли захотят ради нее (в том числе, по причине неподготовленности своих армий к современной войне) вступить в вооруженное противоборство с Германией [7]. В беседе с В. Кейтелем он уточнил, что означала для него не-

обходимость «обращения на Восток»: «Наши интересы состоят в следующем: обеспечить этот район (Польшу) в качестве выдвинутого вперед плацдарма, который может быть использован в военном отношении и для сосредоточения...» [2, с. 64].

После завоевания Польши выбор направления последующего удара вновь встал в повестку дня. Решающим аргументом в пользу продолжения войны на Западе было стремление избежать наихудшего сценария – ведения борьбы на два фронта. По свидетельству бывшего адъютанта Гитлера Н. Белова, фюрер после разгрома Польши неоднократно во время бесед с генералами говорил, что ему необходимо «высвободить тыл» на западе для того, чтобы легче было «разгромить большевизм» [18, S. 183, 192], а также существенно расширить ресурсную базу для дальнейшего ведения войны против Советского Союза.

Гитлер торопился, его подстегивало опасение упустить время, пока международно-политическая и военно-стратегическая конъюнктура не изменилась к худшему для Германии. Фактор «упущенного шанса» играл важную роль в принятии этого решения. Гитлер неоднократно возвращался к этой проблеме и в более позднее время, в частности, в выступлении перед командирами дивизий перед началом Арденнского наступления 12 декабря 1944 г. [27, с. 715 ff].

Если неизбежность войны с Францией и Советским Союзом, не подвергалась сомнению, то отношение Берлина к Англии прошло длительную эволюцию. Долгое время Гитлер рассчитывал, если не на союзнические отношения, то, хотя бы на нейтралитет

Англии. Одну из последних надежд на достижение компромисса с Англией дала вялотекущая «странная» война на Западе в 1940 г., последовавшая после захвата Германией Польши. Создавалось впечатление, что Англия и Франция не хотят сжигать за собой «последние мосты», все еще рассчитывая, что Гитлер все-таки повернет острие своего следующего удара на досток.

Однако Гитлер обманул их надежды, предпочитая завершить работу по обеспечению надежного тыла на западе. После того, как объединенные англо-французские силы на континенте были разгромлены в 1940 г., Берлин рассчитывал, что на этот раз критическая ситуация, сложившаяся для Англии, заставит Лондон пойти на переговоры. Об этом в разгар французской кампании, 2 июня 1940 г., говорил Гитлер в штабе генерал-фельдмаршала фон Рундштедта в г. Шарлевиль, задним числом объясняя приказ об «остановке» немецких танковых войск перед Дюнкерком. По его словам, Англия должна была лишь признать гегемонию Германии на континенте и даже могла не возвращать колонии. Главное: «настало время разделаться с большевизмом» [30, S. 189]. Но британское правительство, возглавляемое к тому времени У. Черчиллем, на уступки идти не захотело.

Выбор направления последующего удара вновь стал предметом обсуждения в немецком высшем руководстве. А. Хойзингер, начальник оперативного управления в штабе Ф. Гальдера, прокомментировал это следующим образом: «После блицкрига в Польше и Франции немецкое политическое и военное руководство находилось в состоянии неуверенности. Оно не знало,

что делать, колебалось и зондировало, поставив Германию в качестве великой континентальной державы перед проблемой ведения войны против великой морской державы Англии...» [2, с. 12].

Если верить этому свидетельству, у Гитлера отсутствовал «многоступенчатый», заранее продуманный план войны. Однако подобное утверждение не в полной мере соответствует действительности. Вынужденный импровизировать, под давлением внешних обстоятельств, Гитлер настойчиво и целеустремленно «расчищал» себе дорогу для решения давно сформулированной, главной стратегической задачи на этом этапе – подготовке агрессии против Советского Союза.

То, что в те месяцы нацистским руководством обсуждались и другие варианты возможных действий, в том числе «периферийная стратегия» в Средиземном море (сторонниками ее были Э. Редер и А. Хойзингер), целью которой было разрушение морских коммуникаций Британской империи, или «африканский» вариант, нацеленный на создание колониальной империи в Африке, не отменяет этой общей тенденции. В конечном счете, выбор был сделан в пользу плана «Морской лев» («Зеелеве»), нацеленный на вывод Англии из войны путем подготовки десантной операции на остров. Однако вследствие организованной англичанами устойчивой обороны и чрезмерного риска операции по вторжению, последняя была отменена.

Существует, впрочем, и иная точка зрения по этому поводу, высказанная генерал-фельдмаршалом Г. Рундштедтом: «Мне кажется, что фюрер по сути дела не хотел вторжения в Англию... Настоящая причина, почему Германия

не форсировала Ла-Манш, заключается в том, что Гитлер весьма сильно рассчитывал, что он сумеет добиться политического соглашения с Англией» [3, с. 130]. Важное свидетельство принадлежит также генерал-фельдмаршалу Ф. Паулюсу, хорошо осведомленному о происходящем: «При ретроспективном рассмотрении событий мне представляется, что для последовавшего отказа от этой операции (Зеелеве. Прим. авт. – С.Л.) существовали следующие причины: риск и боязнь потери престижа в случае неудачи операции; надежда заставить Англию пойти на мир под простой угрозой вторжения в сочетании с подводной войной и воздушными налетами; намерение не слишком ущемлять Англию, так как Гитлер издавна надеялся достичь с ней взаимопонимания; сформировавшееся уже летом 1940 г. намерение Гитлера напасть на Россию» [2, с. 191].

В конце сентября 1940 г. Гитлер стал связывать надежды подавить сопротивление Англии с разгромом Советского Союза. Овладение его огромным ресурсным потенциалом позволяло вести затяжную войну не только с Англией, но в перспективе и с США, если последние решились бы выступить на стороне англичан. Ради этого Гитлер был готов рискнуть войной на два фронта. Фактически это означало возвращение к стратегической схеме кануна Первой мировой войны [23, S. 107].

Берлин решил оставить непокоренную Англию в тылу в расчете на скоротечный разгром СССР, причем преимущественно своими силами. Уверенность в возможности этого была настолько высока, что Гитлер первоначально не намеревался при-

влекать к военной кампании ни Италию, ни Японию, связанных с Германией военными обязательствами. Им отводилась роль прикрытия Германии с флангов и тыла, Италия должна была создавать угрозу Великобритании в Средиземноморском бассейне, Япония – США, ее потенциальному союзнику, на Тихом океане [9, с. 39].

Самоуверенность Берлина основывалась на предшествующих успехах блицкрига, существенном увеличении экономико-ресурсной базы Германии, непоколебимой уверенности в превосходстве вермахта перед Красной армией. К тому времени Германии удалось покорить Австрию, Чехословакию, Польшу, Нидерланды, Бельгию, Люксембург, Францию (частично оккупирована), Данию, Норвегию (впереди была Греция, Югославия и Албания), расширить коалицию за счет Болгарии, Румынии и Венгрии. В отличие от Первой мировой войны, вермахт сумел сделать то, чего не смогла добиться кайзеровская армия – разгромить в «молниеносной» войне сильную французскую армию.

Подготовка войны против СССР велась с присущей немецкому характеру педантичностью и тщательностью. Ни один военный план вермахта не готовился столь тщательно [2, с. 195], не прошел такой многоступенчатый анализ и отбор, прежде чем принять завершённую форму в Директиве № 21 («Барбаросса»).

Официально вопрос о войне против СССР был поставлен 21 июля 1940 г. на совещании Гитлера с командующими видами вооруженных сил, где были определены основные цели и замысел похода на Восток [4, с. 60]. При планировании войны против СССР с са-

мого начала реализовывался принцип многовариантного подхода. На различных этапах к планированию войны против СССР привлекались как штаб оперативного руководства верховного главнокомандования вермахта (ОКВ) во главе с генерал-полковником А. Йодлем (непосредственное участие в разработке этого документа принял референт по делам сухопутных войск из отдела «Оборона страны» подполковник Б. Лоссберг), так и главное командование сухопутных войск (ОКХ) во главе с генерал-фельдмаршалом В. Браухичем (начальник генерального штаба – генерал Ф. Гальдер), формально находившегося в подчинении ОКВ (начальник штаба – В. Кейтель).

На совещании 31 июля 1940 г., где присутствовали Браухич, Гальдер, Кейтель и Йодль, Гитлером были обозначены основные элементы оперативно-стратегического замысла: 1) удар на Киев с выходом к Днепру; 2) удар через Прибалтику и Белоруссию на Москву; 3) последующий охватывающий удар с севера и юга с целью захвата Европейской части СССР; 4) проведение отдельной, вспомогательной операции по овладению нефтеносными районами Баку. Вопрос о направлении главного удара вермахта – на Москву или Киев – оставался открытым [8, с. 8]. Как видно из этих соображений, Гитлер прибегнул к классической схеме стратегического наступления, которой традиционно придерживался германский генштаб: нанесение глубоких ударов, охватывающих главные силы противника с целью их окружения и последующего уничтожения.

Решающее значение придавалось фактору времени, военную кампанию предполагалось осуществить в

виде доказавшей свою эффективность «молниеносной» войны, где в ходе генерального сражения (включающего ряд операций) должны были быть разгромлены основные силы русских. Нападение на СССР предполагалось осуществить не позднее мая 1941 г., на «уничтожение жизненной силы России» отводилось 5 месяцев, до наступления осенней распутицы. Гитлер ориентировал участников совещания на разгром Красной армии в ходе «одного стремительного удара», вновь повторив, что «если Россия будет разгромлена, Англия потеряет последнюю надежду. Тогда господствовать в Европе и на Балканах будет Германия...» [8, с. 8]. Расчеты Гитлера исходили из возможности капитуляции советского правительства или его свержения. В противном случае Красную Армию предполагалось преследовать вплоть до Уральского хребта [1, с. 76].

По оценке генерал-фельдмаршала Ф. Паулюса, «генеральный штаб сухопутных войск воспринял намерения Гитлера относительно СССР с двойственными чувствами. Он видел в походе против России опасный шанс открытия второго фронта, который мог быть усугублен высоковероятным вступлением в войну Соединенных Штатов против Германии. Такой группировке Германия могла противостоять только в том случае, если бы успела быстро разгромить Россию. Однако сила России представляла собой большую неизвестную величину...» [2, с. 195].

Проблема для военных планировщиков заключалась также в том, что им предстояло найти способы решения двух сложных задач: организации фронтального прорыва, а затем трансформации прорыва в глубокие охва-

тывающие удары, которые должны были замкнуться вокруг основных сил Красной Армии. Главный вопрос заключался в том, где и какими силами прорывать советский фронт? Первоначальные предложения о прорыве фронта на одном направлении были признаны несоответствующими масштабности задачи.

Руководствуясь принципиальными установками Гитлера, генерал Э. Маркс разработал «Оперативный проект Восток (Ост)», представленный Гальдеру 5 августа 1940 г. В проекте предусматривались действия уже двух ударных групп: одной на южном, другой – на центральном, главном, направлении. Задачей первой группы являлось взятие Киева, второй, после достижения рубежа Рогачев-Витебск, предстояло нанести удар на Москву, после чего ей предстояло повернуть фронт на юг и во взаимодействии с южной группой немецких войск занять Украину.

Выбор главного удара обосновывался особым значением Москвы в качестве «экономического, политического и духовного центра» Советского Союза, соответственно делался вывод о том, что овладение ею «разрушит целостность русской державы». Конечный рубеж наступления немецких войск устанавливался по линии Дон – Волга – Северная Двина. Выход на этот рубеж, по мнению Маркса, поставил бы советское руководство в безвыходное положение, заставив капитулировать [8, с. 8]. Для прикрытия северного фланга группы армий «Центр», Маркс предлагал создать особую группу войск, которая должна была вести наступление в направлении нижнего течения Западной Двины, Пскова и Ленинграда.

В соответствии с концепцией «молниеносной» войны, приоритетное значение придавалось действиям танковых армий, которые, подобно бронированным кулакам, пронизав фронт русских, должны были осуществлять глубокие прорывы в тыл советских войск, с последующим их окружением и уничтожением в многочисленных «котлах». Учитывая, что советское командование вынуждено держать значительные силы на границах с Японией, Турцией и Финляндией, проект исходил из того, что СССР сможет выставить против Германии не более 119 стрелковых и кавалерийских дивизий, а также 28 мотомехбригад. Исходя из этого, Маркс пришел к выводу, что для гарантированного разгрома Красной Армии потребуется 147 немецких дивизий, включая 24 танковых и моторизованных [8, с. 9].

Концептуально план Маркса исходил из предположения о неспособности Красной Армии выдержать первый мощный концентрированный удар вермахта и полной бесперспективности попыток СССР оказать сопротивление Германии после утраты промышленных центров в европейской части страны. Что касается промышленной базы на востоке Советского Союза, то она не обладала «достаточно высокой производительностью», чтобы компенсировать понесенные потери. Возможность эвакуации советской промышленности из западных районов в восточные не рассматривалась в качестве заслуживающей внимания.

Свои оперативные проекты представили также фон Зоденштерн и подполковник Лоссберг (так называемый «этюд Лоссберга»). Предложенные проекты подверглись обсуждению на ряде

оперативных совещаний с участием Гитлера, Браухича, Гальдера и других генералов. Вступившему 3 сентября 1940 г. в должность первого оберквартирмейстера генерального штаба (начальника оперативного управления) генералу Ф. Паулюсу предстояло обобщить предыдущие разработки и представить на их основе уточненный план вторжения.

Представленные проекты, несмотря на существенные различия, исходили из высокой вероятности разгрома основных сил Красной Армии в ходе первых приграничных сражений и развала СССР после того, как тот лишится большей части своей европейской территории. Для достижения этой цели предлагалось нанесение мощных рассекающих ударов с последующим расчленением, окружением и уничтожением в гигантских котлах советских войск. В качестве наиболее благоприятной ситуация рассматривалась та, при которой советские войска основными своими силами оказали бы сопротивление в приграничной зоне. В этом случае вермахт, за счет своего превосходства в силах и средствах, а также маневренности, нанес бы поражение советским войскам в кратчайшие сроки. Относительно этих принципиальных подходов к ведению войны против Советского Союза между Гитлером и высшими военными разногласий не было, что опровергает утверждение о существовании какой-либо оппозиции со стороны последних завоевательным планам фюрера относительно Советского Союза.

Независимо от того, кто занимался планированием, военно-стратегические соображения основывались на существенной недооценке военного и экономического потенциала Советско-

го Союза, который так и остался для германских генштабистов (чего они так опасались) «большой неизвестной величиной». В немалой степени такой недооценке сил противника способствовали недостоверные данные немецкой разведки. В частности, начальник разведотдела «Иностранные армии – Восток» полковник Э. Кинцель утверждал, что Красная Армия будет разбита уже в приграничных районах, поскольку ее «парализует страх перед немецкой армией, и она будет лишена способности принять какое-либо решение» [8, с. 9].

Генерал Йодль был более осторожен в своих оценках, исходя из того, что для разгрома Красной Армии потребуется не менее 120 дивизий, сосредоточение и развертывание которых на Восточном фронте займет не менее четырех месяцев. Соответственно, наступление осенней распутицы и зимних холодов обуславливают необходимость отсрочки начала военных действий против Советского Союза. Эти аргументы повлияли на решение Гитлера о переносе начала войны против СССР на следующий, 1941 г. [12, с. 142].

Принципиальное значение имело решение Гитлера (поддержанное Йодлем, Лоссбергом и др.) о нецелесообразности глубокого эшелонирования войск, все три группы армий должны были развернуть наступление по всему фронту одновременно, что должно было оказать ошеломляющее воздействие на противника, не позволило бы ему передислоцировать войска на какое-либо из угрожаемых направлений [2, с. 207].

Идеи, изложенные в проектах Маркса и Лоссберга, послужили основой для завершающего планирования

войны против СССР. Эта работа Ф. Паулюсом в основном была завершена в ноябре [8, с. 10]. Последний вариант плана предусматривал, как и в варианте Лоссберга, создание трех групп армий – «Север», «Центр» и «Юг», которые должны были наступать соответственно на Ленинград, Москву и Киев. К восточной кампании планировалось привлечь 130–140 дивизий [20, S. 370]. 5 декабря проект (с условным названием «Отто») был представлен Браухичем Гитлеру. Последний, согласившись с его основными положениями, приказал немедленно приступить к практическим мерам по подготовке войны против СССР. На основе одобренного плана Лоссберг под руководством Йодля подготовил директиву № 21 («план «Барбаросса»), подписанную Гитлером 18 декабря 1940 г.

Планирование войны жестко увязывало политико-идеологические, военно-стратегические и экономические цели войны. Ликвидация советской государственности предполагала последующую колонизацию страны с целью максимального использования ее ресурсного потенциала. На территории Советского Союза экономический штаб ОКВ, в частности, рассчитывал захватить около 75% советской промышленности, а также необходимые сырье и продовольствие для дальнейшего ведения войны [17, S. 271].

Возможность того, что «война на Востоке» может принять затяжной характер, не рассматривалась в качестве альтернативы, заслуживающей глубокого анализа. Безусловно, военные планировщики, по долгу своей службы, были обязаны рассмотреть различные, даже маловероятные, сценарии развития событий. В частности,

в проекте Лоссберга рассматривались возможные варианты действий СССР, в том числе и такой, при котором «русские захотят нас упредить и с этой целью нанесут превентивный удар по начинающим сосредотачиваться у границы немецким войскам». Однако было признано «невероятным, что русские решатся на наступление крупных масштабов, например на вторжение в Восточную Пруссию и северную часть генерал-губернаторства... Видимо, на это не будут способны ни командование, ни войска» [13]. Подобная оценка содержалась и в разведывательных сводках, поступавших в Берлин. В частности, в сводке № 5 от 13 июня 1941 г. Генштаба сухопутных войск Германии отмечалось, что «со стороны русских, как и прежде, ожидаются оборонительные действия» [13].

Несмотря на тщательное военно-стратегическое планирование и всестороннюю подготовку вермахта, реальный ход войны против Советского Союза стал быстро расходиться с запланированным. Неприятным сюрпризом для командования и личного состава вермахта стали стойкость и выносливость советского солдата, способность советских войск продолжать сопротивление в исключительно тяжелых условиях боевой обстановки, в том числе в многочисленных окружениях, их готовность к самопожертвованию. Как отмечал участник сражений на восточном фронте, Г. Метельман, «русские зарекомендовали себя умелыми, выносливыми и бесстрашными солдатами, разбивая в пух и прах наши былые предрассудки о расовом превосходстве» [10, с. 288].

Благодаря беспрецедентной по своим масштабам переборке промыш-

ленных предприятий из угрожаемых районов на восток страны, руководство Советского Союза, сумело, вопреки предвоенным прогнозам немецких аналитиков, развернуть здесь мощную военно-экономическую базу. В свою очередь, экономика Германии, несмотря на жесточайшую эксплуатацию экономической и ресурсной базы оккупированных стран, не справлялась с требованиями принявшей затяжной характер войны. Потерпев поражение под Москвой, Берлин, несмотря на предстоящие годы ожесточенной борьбы, фактически уже проиграл войну.

Таким образом, имеющаяся в наличии источниковая база не позволяет говорить о «превентивном» (оборонительном) характере войны со стороны Германии. Это было заблаговременное, последовательное осуществление стратегических установок, сформировавшихся у Гитлера еще до прихода к власти нацистского режима. Несмотря на то, что принятие ряда решений Гитлером, действительно, носило во многом ситуативный характер, обусловленный стремлением использовать с максимальной выгодой сложившуюся международно-политическую и военно-стратегическую обстановку, на самом деле, эти решения представляли собой целеустремленную реализацию принципиальных стратегических установок Гитлера, в совокупности представлявших его личный «план» войны. «Военной» оппозиции его намерениям, за исключением вполне объяснимых разногласий, сопровождавших поиск оптимальных оперативно-стратегических решений, в тот момент не существовало. Высшие военные в целом разделяли точку зрения о реалистич-

ности заявленной фюрером завоевательной программы. Организованная оппозиция среди немецкого офицерского корпуса сформировалась значительно позже, когда стало очевидным неизбежное поражение Германии.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Айххольц Д. Цели Германии в войне против СССР. Об ответственности германских элит за агрессивную политику и преступления нацизма // Новая и новейшая история. 2002. № 6. С. 62-89.
2. Безыменский Л. Особая папка «Барбаросса». М., АПН, 1972. 342 с.
3. Безыменский Л.А. Германские генералы – с Гитлером и без него. М., 1961. 368 с.
4. Гальдер Ф. Военный дневник. Т. 2. / Пер. с нем. М., 1969. 628 с.
5. Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма. Исторические очерки. Документы и материалы. Т.1. Подготовка и развертывание нацистской агрессии в Европе. 1933-1941. М., Наука, 1973. 768 с.
6. Дашичев В.И. Политика и стратегия Германии накануне Второй мировой войны (1938-1939 гг.) // Вестник МГИМО-Университета. 2009. Спец. издание. С. 72-80.
7. Келлерхофф С.Ф. Вторая мировая война: почему Гитлер напал на Польшу в сентябре 1939 года? // Die Welt. 30.08.2014. <http://inosmi.ru/>(дата обращения:13.04. 2015)
8. Кульков Е.Н. Актуальные проблемы Второй мировой войны. Подготовка Германии и ее союзников к нападению на СССР // Вестник МГИМО-Университета. 2009. № 5. С. 1-20.
9. Кульков Е.Н. Подготовка Германии и ее союзников к нападению на СССР// Великая Победа. Т. 2. Кн. 4. М.: МГИМО-Университет. 2013. С. 28-45.
10. Метельман Г. Сквозь ад за Гитлера. М., Яуза-Пресс, 2008. 392 с.

11. Преступные цели – преступные средства. Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР. М., 1985. 352 с.
12. Проэктор Д.М. Агрессия и катастрофа. М., 1968. 638 с.
13. Северный А. Собирались ли СССР напасть на Германию? // Военное обозрение. 28 января 2015 // http://www.stoletie.ru/ww2/sobiralsa_li_ssr_napast_na_germaniju_919.htm (дата обращения: 14. 04. 2015).
14. «Совершенно секретно! Только для командования!». Стратегия фашистской Германии в войне против СССР. Документы и материалы. Составитель В.И. Дашичев. М., Наука, 1967. 752 с.
15. Хоффман И. Подготовка Советского Союза к наступательной войне. 1941 // Отечественная история. М., 1993. № 4. С. 19-31.
16. Юбершер Г. К вопросу о “превентивной войне” // Новая и новейшая история. М., 1999. № 6. С. 59-67.
17. Auf antisowjetischem Kriegskurs. Studien zur militarischen Vorbereitung des deutschen Imperialismus auf die Aggression gegen die UdSSR (1933–1941). B., 1970. 477 S.
18. Below N. Als Hitlers Adjutant, 1937–1945. München, 1980. 446 S.
19. Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg Bd. 4. Der Angriff auf die Sowjetunion / Hrsg von Mi-htargeschichtlichen Forschungsamt Stuttgart, 1983. 1172 S.
20. Deutschland im Zweiten Weltkrieg. B., 1974. Bd. 1. 764 S.
21. Evans R. The Third Reich in Power. L., Penguin, 2006. 960 p.
22. Fall Barbarossa. Dokumente zur Vorbereitung der faschistischen Wehrmacht auf die Aggression gegen die Sowjeunion, (1940–1941). B., 1970. 368 S.
23. Görlitz W. Paulus: Ich stehe hier auf Befehl. – Frankfurt a. M., 1960. 314 S.
24. Hillgruber A. Hitlers Strategie. Politik und Kriegführung 1940-1941. Frankfurt a.M., 1965. 715 S.
25. Hitler A. Mein Kampf. München, 1925. 720 s.
26. Hitlers. Zweites Buch. Ein Dokument aus dem Jahr 1928. Stuttgart, 1961. 244 S.
27. „Hitlers Lagebesprechungen“. Die Protokollfragmente seiner militarischen Konferenzen 1942–1945. Stuttgart, 1962. 971 S.
28. Hoffmann J. Die Sowjetunion bis zum Vorabend des deutschen Angriffs // Das Deutsche Reich. Bd. 4. – S. 38-97.
29. Jacobsen H.-A. Nationalsozialistische Aussenpolitik, 1933–1938. Frankfurt a. M., 1968. 490 S.
30. Klee K., Unternehmen Seelöwe. Göttingen, 1958. 261 S.
31. Köstring E. Hitler zwischen deutschen Reich und der Sowjetunion 1921-1941. Frankfurt a. M., 1965. 334 S.
32. Messerschmidt M. Foreign Policy and Preparation for War // Germany and the Second World War: The Build-Up of German Aggression. Oxford University Press, 1991. Vol. 1. 809 p.
33. Post W. Unternehmen Barbarossa: deutsche und sowjetische Angriffspläne 1940/1941. Hamburg; Berlin; Bonn, 1996. 128 S.
34. Robertson E.M. Hitler's Pre-War Policy and Military Plans, 1933-1939. Citadel Press, 1967. 207 p.
35. Suworow W. Der Eisbrecher. Stuttgart, 1989. 467 S.
36. Topitsch E. Stalins Krieg. Die sowjetische Langzeitstrategie gegen den Westen als rationale Machtpolitik. München, 1985. 263 S.